

18+

Игорь ГАЛИЛЕЕВ

По радуге любви...

сборник рассказов

Игорь Галилеев

По радуге любви...
Сборник рассказов

«Издательские решения»

Галилеев И.

По радуге любви... Сборник рассказов / И. Галилеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567828-7

В этот сборник вошли как ранее опубликованные рассказы Игоря Галилеева, так и совсем новые произведения. Каждое из них заставит сопереживать, смеяться и даже плакать...

ISBN 978-5-00-567828-7

© Галилеев И.
© Издательские решения

По радуге любви...

Сборник рассказов

Игорь Галилеев

© Игорь Галилеев, 2022

ISBN 978-5-0056-7828-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИСПЫТАНИЕ СНЕГОМ

Рассказ

Эта история пронеслась по моей жизни вихрем – все разметала, разорвала и сдвинула с застоявшихся мест. А пересказывая её, я плачу...

Когда-то, давно, не помню от кого, я услышал, что в общественном транспорте других пассажиров рассматривают только приезжие. Лимита, так сказать. Поэтому, будучи коренным горожанином, глаза на других людей не тарашу и внимания ни на кого не обращаю – у каждого своя дорога, свои дела и проблемы. Своя жизнь. Исходя из этого, и в свою душу мало кого пускаю. А зачем? Было ведь – наплюют и натопчут грязной обувкой. Отмываться потом долго приходится... Может быть, поэтому и на бабушек в переходах не реагирую и передачи, где о благотворительности просят, переключаю – не верю я в беспомощность государства в таких вопросах... Хотя, возможно, там, на «верхних этажах», просто руки до всех не доходят? Но это ведь пока самого не коснется, пока сам не столкнёшься, пока не поймешь, что добро иногда возвращается...

Несмотря на то, что последняя неделя февраля порадовала оттепелью, весна приходит пока не собиралась – март выдался промозглым, со снегом, морозцем, не солнечным. Я, как и большинство моих знакомых, уже на масленицу часть зимних вещей по шкафам распихал. До следующей зимы. А тут... Вон как снова завьюжило. Но все думалось: последний зимний вздох, последний снег, последние узоры на окнах. Мол, шубу вынимать обратно незачем. Так ангину себе и заработал.

Поэтому и настроение ни к чертикам. Весны, тепла и всех сопутствующих предпочтений хочется, но... кукиш вместо них. В виде микстуры и таблеток.

В тот день после работы надо было как раз в аптеку за лекарствами зайти. В маршрутке не я один простуженный был – ещё пара таких же бедолаг, включая самого водителя, тоже кашляли. Ну что у нас за люди! Если болеешь, дома сиди, а не езди общественным транспортом, других не заражай! Нет же, как специально...

Я-то? Я – другое дело: у меня работа такая – присутствия требует.

Но не в этом дело... В общем, вышел на своей остановке злой на весь мир. И даже на весну, которая в этом году решила задержаться на неизвестное время. Аптека по ходу дороги домой располагалась. По пути в хлебный зашёл – молока купил, решил перед сном с маслом вскипятить – говорят, помогает...

Прямо перед входом в аптеку с какой-то бабушкой столкнулся – стоит на крыльце и в квадрате света мелочь в ладони считает. Разумеется, все в снег рассыпала... – Вы чего на пороге-то? – Накинулся я на пожилую женщину. – Проход загораживаете... – Извини, сынок... Только и ответила. А сама нагнулась и голыми руками в снежной жиже монетки ищет. – Аккуратней надо быть! – Высказал и вовнутрь вошёл.

Передо мной два болезных человека в очереди были. Пока стоял, все на дверь поглядывал: может, та бабушка зайдет... Стыдно стало – на беззащитном человеке свое зло сорвал.

А у меня мама примерно такого же возраста. Подумалось: а вдруг и с ней так же кто-то обойдется? Наглец такой же...

В общем купил что-то, якобы симптомы убирающее, и на улицу выскочил. Бабушки уже не было. И только в сторону дома пошел, как увидел силуэт немного в отдалении – она стояла под фонарем в самом начале сквера рядом с обледеневшей лавочкой.

– Вы извините меня, пожалуйста, – сказал подходя. – Это все простуда треклятая. И усталость после работы... Мне бы дома отлежаться. Нет же! Нельзя. Работать надо...

– Да что ты, сынок, я и не расстроилась... – Бабушка все также в ладони мелочь сжимала. – Дело молодое. Только вот десять рублей закатились куда-то, не найду никак...

– Так вам какое лекарство-то надо? – спрашиваю. Думаю, а что, пойду и куплю ей! Возмещу, так сказать, ущерб.

– Да мне не таблетки нужны, – отвечает, – я в «хлебный» шла, поесть чего-то, может, купить. Там-то считать деньги не хочется, ведь вдруг не хватит – стыдно будет. Вот я у аптеки и встала. На свою беду...

Я сквозь землю, думал, провалюсь...

– Ладно, – говорю, – продукты, так продукты.

А сам повнимательней бабушку рассмотрел: в войлочных стареньких ботинках, промокших насквозь, пальтишко с короткими рукавами, без варежек – пальцы от холода краснющие – и в платке кое-каком. Сердце от жалости съёжилось...

– Так, бабуля, чего купить вам надо?

– Хлеба хотя бы. Я за ним и шла в магазин, – и объяснить начала. – Ты не подумай, у меня пенсия есть. Только вот кончилась, не рассчитала я маленько – дома кран прорвался, чуть соседей не затопила. Вот и пришлось оставшихся полтыщи сантехнику дать. Без воды-то жить не будешь... Экономлю как могу.

Я уже было в сторону магазина развернулся, бабушка меня за руку взяла.

– Сынок, ты одну буханку купи, а то у меня на большее денег-то уж точно не хватит...

Я только и смог что кивнуть...

Через десять минут вернулся. Она сидела на лавочке, начавшийся снег с себя даже не стряхивая. На щеках – то ли снежинки, то ли слезы. Меня увидела, поднялась. С надеждой смотрит.

– Ну что, сынок, купил? – И мелочь свою на ладони протягивает.

Я ее руку аккуратно отвел и пакет с молоком, батоном и каталкой колбасы протягиваю.

– Вот, – говорю, – берите. И не надо мне ничего – деньги вам, может, потом пригодятся.

А я не обедею...

Улыбнулся и домой пошел. Но на душе все равно спокойствия не было, так как грустно это все. Больно. По дороге снова о маме подумал – мол, позвонить бы надо. А еще лучше – навестить, поговорить посидеть, время провести вместе. А то все на лету как-то, второпях.

В конце аллеи оглянулся – бабушка, прижав к груди пакет с продуктами, семенила через дорогу куда-то вглубь квартала, в темноту и разыгравшуюся выюгу...

Но жизнь – она ведь такая: свои хороводы кружит, свои коррективы в планы вносит. Недаром ведь поговорку придумали о том, что человек предполагает, а Бог располагает. Утром маме позвонил, как запланировал, но навестить все никак не получалось. Неделю вот уже...

И сегодня тоже набрал.

– Привет, ма. Как дела?

– Да нормально все, телевизор вот смотрю – сериал какой-то. – И добавила: – Скорей бы что ли зима прошла, а то к подъезду не выйдешь, с соседками не поговорить даже, а дома тоска одна...

– В выходные точно приеду, – пообещал. – Тебе купить, может, чего?

– Много ли мне надо... Сама в магазин схожу потихонечку. Так что просто приезжай...

– Обязательно, ма. Жди...

Субботный день погожим не был – все та же снежная слякоть и еще с ноября прижившаяся изморось. Из-под одеяла выбираться жуть как не хотелось. Но надо. Поймал себя на том, что как будто обязанность какую выполняю, клещами силы из себя вытягиваю. Чтобы к матери-то съездить...

Собрался кое-как. Жена в пищевые контейнеры «под шубой» положила – говорит, пусть порадует – и макарон по-флотски. Пока теплые. По дороге в магазин завернул – так, купил по мелочи: конфет шоколадных, курицу мороженую, кефира два пакета и пряников.

От кассы отошел и мамин номер по телефону набрал – может, чего еще купить попросит. Телефон ответил долгими нудными гудками...

Бывает, думаю, задремала, наверное – погода-то вон какая пакостная: только спать и остается.

У подъезда действительно никого из соседок не было – по квартиркам, по каморкам все прячутся. Чтобы не заболеть. В лифте медикаментами пахло – словно в подтверждение моих мыслей.

Дверь в квартиру открытой оказалась. В коридоре натоптано и тоже – этот запах ни с чем не перепутаешь – лекарствами в нос ударило. А тут соседка по площадке окликнула:

– Игорек, ты?

– Я, – говорю, – кому же еще быть... А мама где?

А у самого сердце из груди готово вырваться. Соседка прежде, чем ответить, вздохнула тяжело.

– Все. Увезли ее... Полчаса как.

У меня пакеты с едой из рук выпали.

– Куда? – и к стене прислонился.

– Ой, прости, старую, – руками всплеснула. – Ты чего же подумал-то? Жива, конечно. Давление только вот высокое. «Скорую» вызвала, они и забрали – в четвертую горбольницу повезли. Говорят, что в таком возрасте лучше не рисковать, не оставаться без присмотра... А дверь не закрыла – тебя ждала...

– У меня же свои ключи есть...

– Мало ли, может, забыл. В общем, вот такие дела... – И обратно в свою квартиру зашла, дверь аккуратно прикрыв.

А я в маминой остался. Смотрю, табуретка перед диваном – для доктора, наверное, – стоит. Какие-то старые рецепты и справки из больницы на столике разложены. Плиту и свет везде проверил – все было выключено. Сел в полумраке за кухонным столом – чего же делать... Мы ведь всегда к такому не готовы, беда всегда ведь не вовремя приходит. Решил собрать необходимое для больницы – зубную пасту с щеткой, тарелку пластмассовую нашел, ложку и кружку. Два полотенца в пакет тоже положил. Халата, в котором дома ходила, не нашел – с собой, наверное, забрала. Из еды оставил пряники, кефир и конфеты – остальное, что можно передать, в больнице расскажут. Напоследок форточку в комнате немного открыл и к маме поехал.

В больницу за десять минут до окончания времени приема родственников пациентов успел. У дежурного врача о маме узнал – говорит, что в реанимации, мол, состояние стабильно тяжелое. Доктор даже номер своего телефона оставил – в положенные часы готов на любые вопросы ответить. Еды просил пока не привозить – потом, когда в палату переведут можно станет. А пока салфеток и воды побольше просил принести. И напоследок мой номер взял – мало ли что...

Пока я в магазин за необходимым сходил, пока в больницу вернулся, пока передал все это, сумерки наступили. Домой без настроения поехал. За окном автобуса все каким-то раз-

мытым было, серым, тоскливым. И люди-то в основном с опущенными головами идут, в жижу под ногами смотрят. Потому как вокруг не радуется уже ничего.

Вышел на своей остановке и понял, что даже жене не позвонил, не рассказал о том, что с мамой случилось. Телефон из кармана куртки вынул – на экране пропущенный звонок высветился. От врача из больницы. Сердце тут же зашло. У лавочки, где последний раз с незнакомой бабушкой разговаривал, остановился, и цифры набрал. Врач ответил после первого же гудка...

...И закружилось все – и лавочка обледеневшая, и сквер вечерний, и фонарь уже как-то сверху прямо в глаза светить начал. Затем и он погас. Только свое дыхание я чувствовал, которое паром от губ отрывалось и поднималось вверх. Все выше и выше. Будто душа улетала... Мама... Мамочка моя... К тебе лечу...

...Сынок... вставай, милый... открой глаза...

И вдруг тепло ладони на своей голове почувствовал. Мама...

Через мгновение все ярким стало, снова жизнь вокруг появилась. Прямо перед собой склонившееся лицо увидел – это была та самая бабушка, которой я мелочь на пороге аптеки рассыпал. Мою голову на свои колени положила и ладонью мой лоб от испарины вытирает... Тут уже люди какие-то подбежали, суэта какая-то. Затем врачи появились.

Когда в «скорую» положили, один доктор другому сказал:

– С того света бабуля мужика вынула. Если бы не она – его сейчас другая бы машина везла...

А я глаза открыть боюсь, чтобы не зарыдать. Хотя слезы итак по щекам ручейками бегут – ...словно снег растаявший, уносящий с собой прошлое и такую светлую улыбку самого близкого на свете человека...

МАРИНОЧКА

рассказ

Мариночка... Так её называют дети. Может, потому, что уколов она не делает, а чаще всего просто разговаривает. Улыбаясь, спрашивает о том, о сем, рисунки хвалит. Мол, вырастешь, твои картины в Лувре висеть будут...

Ага, будут – всем понятно, что утешает, успокаивает. Ведь нас, детей в «раковом» отделении, врачи, среди прочего, должны надеждой обеспечивать. Как говорят, «на позитив настраивать»... А какой здесь позитив?

Не дураки уже большинство, знаем, – усатой санитаркой теткой Ольгой научены.

– Вона, – говорит, когда полы под кроватями моет, – слышите молоточки стучат? Это вам гробики сколачивают...

Вот и весь позитив.

Да мы и без неё понимаем – каков конец будет.

Но Мариночка все равно рассказывает о нашем будущем, фантазирует. Бывает, сядет на кровать и давай придумывать.

– У тебя, Славик, – это она мне, – семья большая будет. Трое, нет, четверо детей и жена красавица...

– Пусть, – говорю, – она врачом работает, ладно?

– Хорошо, пусть работает. Так вот, а ты известным следователем станешь, – это Мариночка мою страсть к книжным детективам в реальность трансформирует. – Будешь трубку курить и все девчонки в тебя влюблены будут.

– Да кому я нужен-то, лысый, – и рукой на свой голый, как коленка, череп показываю.

– Это ерунда, Славик, волосы – не главное. Гораздо важнее что в душе у тебя...

Верно, душа важнее...

Мне 11 лет. В больнице год уже живу.

Волосы не сразу выпали. Хотя, если честно, каким я с прической был – не помню совсем.

Мама все реже приходит стала. Может, и хорошо, что так. А то придёт, сядет на табурет рядом и плачет. Аж самому тошно становится. И перегаром от неё пахнет. Тётка Ольга говорит, что сдалась, мол, мать, заживо отнесла меня, вот и пьёт. Поминает.

А отец уже месяца три не навещал. Мамка сказала, что в командировку уехал, не вернётся никак...

В палате нас четверо. Я самый старший. И старожил самый. Двое совсем мальцов – пяти и шести лет – под капельницами постоянно. А недавно новенького на мишкино место перевели, Олешкой зовут – лежит, хнычет всю дорогу. Больно, говорит. Я ему иногда свои витаминки сладкие даю, успокаивается. Но дружить он все равно не хочет – мол, не за чем.

Хотя, смотрю, Мариночку с первых посещений полюбил. Да к ней и нельзя по-другому относиться. Самой ей бог детей не дал и всю свою не истраченную любовь материнскую она нам отдаёт.

И лечит.

Мариночка – врач.

Говорят, что здесь она несколько лет работает, из института сразу пришла. И ведь не зачерствела пока! Хотя сколько нас, славиков и мишек, уже проводить успела...

Так день за днём и проходят – в ожидании...

Сегодня Мариночкина смена. Жду, к шагам в коридоре прислушиваюсь. Вчера мне вставать наконец-то разрешили. Но далеко ходить все равно нельзя. Поэтому я у окна пристроился.

Ах, как хорошо там! Самый красивый ноябрь в моей жизни! Деревья в больничном дворе утренний мороз снежными гирляндами украсил, из застывших веток фигуры сплел – можно хоть целый день разгадывать. А солнце оставшиеся листочки, словно струны, пальцами лучей перебирает – мелодию к зиме подбирает. Если ухо к стеклу плотнее прижать, то музыку услышать можно. Про жизнь она и про любовь...

Тут дверь распахнулась и я уже хотел радостно Мариночку поприветствовать, но это оказалась тётка Ольга. Ведром посередине палаты бряцнула и мокрую тряпку на пол шлепнула. Молча всё, без слов, даже на нас не глядя. И швабру длинную с плеча сняла. Ну вот вылитая та самая старуха. Только вместо косы – швабра.

Но я поздоровался.

– Здрасьте, тётъ Оль, – говорю. – А почему к нам Мариночка не идёт? Или смена не её?

– Её, её, – отвечает, – дурочки этой.

А сама тряпкой под олежкиной кроватью жмыкает.

– Не придёт сегодня, не ждите, – продолжает. – Сама заболела с вами, полутырками.

И тут швабру на пол бросила и руками всплеснула:

– Ну это же додуматься надо! Свои деньги на вас тратила! Вот дура-то!..

Только на третий день от другого врача мы узнали, что Мариночка на свою зарплату нам чего-то покупала: альбомы для рисования, книжки, фломастеры. И в прошлую зиму даже одеяла нам тёплые, стеганные, на все отделение сама сшила.

А пальто себе зимнее купить не успела...

Свалилась с воспалением, в другом корпусе теперь сама лежит. Тоже, наверное, в окно смотрит...

– Ага, щас, смотрит, – то ли ругается, то ли радуется тётка Ольга. – Присмерти она. Температура сорок. Лежит там бледная, зубами стучит под одеяльцем больничным. Себя бесполезно на вас променяла. Эээх...

Вон оно что...

План в голове за секунды возник. Палата наша на втором этаже располагалась. Высоко в общем-то, но страшно не было. Конечно же, дождались ночи. Участвовать четвером решили, иначе не получилось бы ничего. Как только новенький дежурный врач обход сделал, пора стало. Простыни связать – это полдела. Смочь вот, сидя-то на подоконнике, на морозе – это самое

важное. Двух мальцов с собой решили не брать – в палате будут наше с Олежкой возвращение стеречь, чтобы обратно простыни скинуть. В общем, собрали мы в один тюк все одеяльца наши – у нас в палате и без них как в духовке – и первым его сбросили. Простыни я к ножке своей кровати привязал и за окно вылез.

Да что б тебя! – ветрище коготками сразу под пижаму забрался, в тело вцепился. Пожалел я, что только в тапочках больничных и в носочках лёгких, пальцы на ногах в миг одеревенели. Но отступать нельзя, там Мариночка из-за нас мучается. От подоконника отцепился и кое-как, хилыми ручонками перебирая, как мотыль на леске, почти сорвался – спустился до низу. Пластмассовыми подошвами об асфальт хлопнул, думал, всю больницу разбуду. Обошлось вроде...

Олежке показываю – давай, мол, спускайся. Смотрю, карабкается.

Эх, дурной, носки под тапки не одел даже. А штаны пижамные у него коротенькие, до середины голени. Вот замерзнет-то!

Шепчу громко:

– А ну обратно лезь пока не спустился. Один справлюсь...

Может, так безопаснее будет, надежнее получится. Олежка обратно в палату закинулся – снизу видно, что нос синий от холода – и простыни за собой втянул, чтобы не заметил никто, окно закрыл сразу. Ручкой через стекло показывает, мол, иди, я на «посту» буду.

Ну и хорошо. Тюк с одеялами за спину взвалил, крикнул по-взрослому, и пошёл к соседнему корпусу от фонарей прячься. Голова лысая жуть как замерзла, до самых мозгочков мороз добрался.

Иду, шатаюсь, Мариночкой себя подбадриваю, мол, умрёт она без нашей-то помощи, позаботиться о ней, кроме нас, некому.

В темноте бордюра не увидел, обоими коленями прямо об бетон ударился, брызги яркие из глаз высыпались. Но губу нижнюю прикусил, чтобы не закричать, не завывать от боли. Посидел немного, пока холод в позвоночник через пятую точку не проник, – дальше идти надо. Один тапок куда-то в темноту улетел. Руками пошарил – нет нигде. Ладно, думаю, ничего, и так дойду. А в одном-то шаркать не удобно – и второй тапочек бросил. Тюк снова за плечо – как картошку носят – забросил и дальше в путь отправился.

Думаю, увидел бы меня сейчас кто, от смеха бы прямо на месте умер: идёт доходяга, метр тридцать ростом, мешок больше себя несёт, лысина инеем покрыта, и в одних носочках с дыркой на пятке. Умора... А вдобавок слёзы на щеках кристалликами от холода застыли. Плакал от боли, конечно...

Палата мариночкина на первом этаже была – мы все заранее вызнали – иначе не решились бы на эту ночную «операцию».

Окно её ночником подсвечивалось – что внутри разглядеть можно. Я тюк с одеялами прямо под подоконник поставил и замороженными ступнями на него залез, чтобы повыше было.

Вот она, Мариночка наша, лежит бледная лицом, как воск. Крупная испарина на лбу блестит и тяжело так, прерывисто, с надрывом, дышит. Моё сердце в комочек сжалось и к горлу поднялось.

Жалко-то её как!

Я, мы-то, ведь ладно, ясно с нами всё, нас много таких. А она – одна на всех. Всех нас любит, надежду даёт. Да и саму жизнь, может, даёт по второму кругу.

Смотрю на неё через окно и слёзы кулаком по щекам размазываю, жалею самого близкого человека своего. Но дело доделать надо. Постучался тихонько – нет реакции. Думаю, а что если без сознания вдруг? В детективе читал, вспомнилось, что нельзя в таких случаях человеку спать давать – не проснуться может. Вспомнил и испугался! И со всей силы в окно заледеневшими кулаками забарабанил с криком:

– Марина! Мариночка! Ты только не спи! Слышишь?! Не спи только!!!

А через рыдания слова уже в рев превратились. Но стучу по стеклу, только бы проснулась.

И тут, смотрю, глаза её затрепетали, приоткрылись. Посмотрела на меня и снова веки без сил опустились, только слеза по щеке скользнула – значит, увидела меня, значит – поняла.

Жива, значит.

А в больничных коридорах уже свет загорелся, голоса громкие кругом. Дверь в мариночкину палату распаивается и врач с медсестрой забегают. Только это и помню...

Говорят, что я сам от переохлаждения без сознания упал – хорошо мешок с одеялами был, на него прямо. Ноги сильно отморозил, долго ещё ничего не чувствовали, как деревяшки. Потом больно ужасно стало. Поэтому меня уже Олежка своими витаминками подкармливал.

Местной больничной легендой я стал, со всех отделений на меня посмотреть приходили. И кто чего только не рассказывал! Мол, меня к Мариночке в палату через её окно затащили. Вместе с одеялами теми. Говорят, что она меня к себе в кровать положила, отогревать. И что всю ночь сама на меня теплом своим дышала.

В общем, вышло так, что спасла спасителя своего неудавшегося.

Сама она поправилась, конечно – не знаю точно: одеяла наши помогли или лечение. Но уже через месяц снова к нам пришла. С улыбкой и слезами. Рыцари, говорит, вы мои, сказочные...

Но сказка и в жизни случается.

Выздоровел я. Не сразу, конечно, пришлось в столице в каком-то Центре побывать – там ещё с полгода полечился. Как оказалось, помогло. И только недавно узнал, что моё лечение больших денег стоило. Стал выяснять – следователем работаю всё-таки – кто оплатил. Думал, может, мать перед своей смертью или отец потерявшийся...

Оказалось, что Мариночка...

...Окно своё узнал сразу. Рука сама к голове так и оставшейся без волос поднялась. И сердце защемило что-то. Воспоминания хлынули. Опустился на лавочку осеннюю во дворе больничном – как и не уходил отсюда: все те же деревья голые, тот же запах щей из пищеблока и тишина...

Будто время здесь специально в кисель превратилось, чтобы жизнь на подольше растянуть.

Из дверей корпуса силуэт в белом халате вышел – лица не рассмотрю никак, слёзы мешают, а смахнуть вроде стыдно – взрослый же.

Только вблизи по улыбке понял: Мариночка...

С сединой уже, в очках на добрых и понимающих глазах.

Остановилась, посмотрела внимательно.

– Ну, Славик, а ты говорил, что некрасивый вырастешь... А сам вон какой!

И улыбается сквозь слёзы...

А мне сказать бы хоть что-то, но не могу никак. Ладонь её взял и лицом прижался, склонившись. А она меня по голове гладит, успокаивает:

– Не надо, Славик, не говори ничего. Хорошо же всё...

Да чего стесняться-то слез своих! Обнял её.

– Спасибо, – говорю, – и не только от себя...

И за больничный забор показываю. А там жена моя любимая платком слёзы вытирает, и двое сынишек – не поймут: чего это папка сопли на кулак наматывает.

– Все как обещали, – улыбаюсь, – так и случилось. Детей только двое пока, но это ведь дело – наживное...

С тех пор Марина Владимировна членом нашей семьи стала. Хотя, наверное, её семьёй я всегда был...

ДУРЁХА

рассказ

...Она лежала на дороге. Девчонка лет десяти в скомканном белом платице – грязном и вымокшем от дорожной влаги после дождя. И пристально смотрела в одну точку своими большущими голубыми глазами. И вдруг моргнула! Из-за этого пружина внутри меня взбрыкнула и я заорал на всю мощь своих легких:

– А ну встань, дуреха! – бросил пакет с продуктами и к ней бегом.

А на повороте уже грузовик видно, затормозить с горки вряд ли успеет.

Девчонка засмеялась звонко и ну бежать, только сандалии сверкают. Ну что за глупые дети! Уже на газоне, за обочиной, вдруг споткнулась и в лужу со всего маху!

Сидит в грязной жиже, смеется...

Грузовик протянуло мимо, выдохнул. Уже не спеша подошел, спрашиваю:

– Ну что за развлечение такое? Вот сейчас за ухо возьму и к родителям-то отведу... – Нету, – говорит, – родителей, дяденька, умерли. Детдомовская я. А сама на мой пакет рваный с едой смотрит, слюни глотает. Есть хочет. Отломил ей полбуханки и колбасы дал крендель – на, ешь. – Так на дороге-то чего делала? – Шушала... – рот набила, не разберешь – Чего? – Землю слушала! Я в книжке прочитала, что если к земле прилечь, то можно даже тех услышать, кто в ней давно живет... А на дороге звуков больше. Только не разобрать ничего...

Так и познакомился с Аленкой. По дороге в детский дом, который в нашем районе, рассказала, что живёт там три года. Самой восемь «стукнуло» – взрослая, говорит, уже. Родители в аварии как раз три года назад погибли. На дороге... Бабка воспитывала. Но год назад инсульт случился, самой уход нужен. Вот и забрали органы опеки. Пока шли, ещё и молока пакет выпила. Идёт, зевает, путешественница. Только ко входу подошли, смотрю, навстречу женщина растрепанная бежит: – Ах ты, гадина, – приговаривает и ладонью себя по ляжке хлопает, – объявилась... Полдня ищем, все ходули по самую шею стёрли! Алёнка к моей ноге прижалась, шепчет: – Не отдавай меня, дяденька... бить будет... – и смотрит щенком снизу. Не бойся, не позволю. – Дитё, – говорю, – не пугайте, тон-то убавьте. И следить лучше надо. – Да какой там, следить! Уследишь за ней, ягозой! Раз в неделю, как по часикам, дырочку находит. Глядь, и нет Алёнки, опять убежала. Самостоятельная... Тётя Зина не злой оказалась – переживает сильно. Говорит, что их, работников в детдоме, осталось раз два и обчелся. На любви к детям держатся. А бить? Только ладошкой по пятой точке не сильно, для острастки. В общем, передал я Алёнку из рук в руки. Пакет с остатками еды вручил напоследок. – Ну все, дуреха, не убегай больше, послушной расти. И пошёл к выходу. На калитке оглянулся. И зря... Алёнка с крыльца сорвалась, подбегает и в руки ко мне с разбега! – Я спасибо сказать забыла... Комочек в горле слезами тает, плачет... Понимает, наверное, уже, что чудес на свете не бывает... Ох, ну ведь знаю же, что – простите за сравнение – нельзя котёнка или щеночка в руки брать. Ведь не оторвешь от сердца потом! И здесь – в секунду заноза в душе появилась, не вынуть!

...Так и вышло, стал я в детдом к Аленке ходить. Не часто, как получится. Гостинцев по мелочи приносил, пирожков от жены и суп в баночке, которым она меня на работу снабжала.. А Алёнка меня все батон с кренделем колбасы купить просила – уж больно вкусные первый раз тогда показались. Тётя Зина за эти полгода мне все про дурёху рассказала. Дважды ей семью подбирали. И вроде люди добрые, хорошие, но все равно и от них бегала. Все родителей забыть не может. Погибли они глупо – отец Аленкин жене руль доверил когда с дачи возвращались. В откос слетели. Насмерть. Малышка тогда между сидений упала, уцелела – царापинами отделалась. Но с тех пор по средам, в день, когда беда случилась, ходит родителей из земли слушать... И ничего с этим не поделаешь. Пока не вырастет, пока не поймёт, что не бывает голосов оттуда. Горе, это, конечно, для детской души. Как справляется, не известно. Может, говорит тётя Зина, и пусть ходит, к земле прикладывается, все отдушина какая-то...

Вот так, незаметно, осень слетела, зима схлынула. Весна... К Алёнке я привык как к родной. И пусть не кровинушка, но в душе моей она свой уголочек заняла прочно. Уже и планы вместе строим – мол, вырастет, помогу поступить на учителя, а дальше – больше. Но – видно будет. Не поверите, мы с женой стали всерьёз думать о том самом очень ответственном шаге... Но ведь у самих уже дети взрослые, внуки на подходе. Да и страшно, если честно.

Уехал в начале апреля в командировку на неделю. Думал, вернусь, точку поставим. Положительную. Этой радостью своего решения и жил в отъезде, время торопил. Впереди новая жизнь ждала, счастье новое в виде глаз голубых. За день до возвращения, в среду, вдруг сердце зашлось без причины. От волнения, наверное. Не спал следующую ночь, места себе найти не мог, метался. Утром домой позвонил...

Не могу рассказывать дальше, слёзы мешают. Тётя Зина потом скажет, что Алёнка в этот раз сама отпросилась с родителями поговорить, мол, прощаться с ними пошла, о новой семье рассказать, порадовать... И ведь вроде не далеко, на соседнюю улицу. На дорогу. Малютка несчастная. Хоронили мы с женой и пара воспитателей из детдома. Тётя Зина громко в голос плакала. Простились... Когда все отошли, я задержался у холмика. – Прости, – говорю, – виноват я... И приложился щекой к могилке, к земле мокрой, – может, ответит... А слёзы, с весенним ручьем мешаясь, мою тоску на весь мир понесли. И тут поднял глаза и вижу Аленкино платьишко белое рядом – оказалось, что это белый платок на кресте кто-то оставил. Трепещет на ветру, словно ладошкой машет.

...Простила, значит...

ЖЕНСКИЕ ЦВЕТЫ

рассказ

Перед 8 марта, наверное, каждый мужчина задумывается о подарке для своей жены, невесты, мамы, бабушки, сестры, тещи и так далее. Я же исхожу их другого, более практичного, принципа: дарю подарки только тем, кто поздравил меня 23 февраля.

По моему мнению – это очень справедливое решение. Нет, конечно же, я пробовал поздравлять буквально всех своих знакомых женщин с праздником и даже дарил чего-то – так сказать, с перспективой на будущее. Но эта практика показала, что мои старанья были напрасными – ничего не изменилось: за год мое внимание забывалось и как получал я подарки только от самых своих близких представительниц женского пола, так получать и продолжаю...

Обидно было только вначале. Потом привык. И даже какая-то шкодливая радость появилась, когда иду, например, с парой букетов – для жены и тещи – и вижу грустные, с надеждой, глаза некоторых попавшихся навстречу женщин – мол, может, мне цветы несешь? Может, мне подаришь? Ведь, мол, нет у меня никого, сама себе веточку мимозы подарю и – всё...

Жалко их, конечно. Но что поделаешь – известно же, что на десять девчонок по статистике девять ребят...

Но в этом году все пошло не по плану. Вся моя принципиальность полетела в тартарары! А случилось вот что...

В конце февраля, находясь в командировке в Адлере, встретил своего сослуживца, которого, как мы совместными усилиями немного позже посчитали, я не видел ровно двадцать лет.

Надо сказать, что в субтропической части черноморского побережья ближе к концу зимы становится уже по-настоящему тепло – воздух как бы обновляется ароматами цветенья, соленым запахом моря и духом вездесущих специй. Именно их я привожу домой в качестве подарка для себя и еще пары знакомых, которые тоже любят вкусно покушать. Само собой, и в этот раз за день до отъезда домой я отправился на адлерский Центральный рынок.

Ну что это за кладезь! Здесь есть все! Даже то, чего нет в Греции...

Сколько здесь всевозможных вкуснятин, сколько разных мяк! Первые шаги по рынку я всегда делаю с закрытыми глазами – это для того, чтобы в полной мере насладиться невероятнейшим букетом запахов. Поверьте, такого нет больше нигде. Затем, медленно вышагивая

вдоль рядов и останавливаясь у каждого прилавка, с удовольствием соглашаюсь что-то попробовать. При этом обязательно цокаю языком и говорю:

– Мммм, как вкусно...

И продавец расцветает, начинает важничать, рассказывает как вырастил, как собрал и так далее – ему денег не надо, доброе слово гораздо важнее.

И в этот раз я уже попробовал мед из белых акаций, маринованный острый перец, там же – аджику красного и зеленого цвета, затем – жареную барабульку, арахисовую халву, только что сорванный с ветки лайм и потихоньку приближался к прилавкам со специями, которые, как я сказал выше, были целью моего посещения рынка.

И вдруг слышу:

– Ёперный театр! Игорян, ты?

Это оказался стоявший за прилавком с сушёной, копченой и вяленой рыбой мужик примерно моих лет с загоревшим лицом, которое светилось радостью из-под стандартной кавказской кепки с названием «аэродром».

– Не узнал? Я присмотрелся повнимательнее – нет, не узнал вроде...

– Да это же я, Ванька! Сорокин!

Батеньки мои, и правда – он! Мы с Иваном срочную службу в Литве проходили.

– Не может быть! Ваню!!!

Уже через секунду он сжимал меня в своих объятьях. Искреннее счастье встречи сопровождалось похлопываниями по спине и смехом.

Минут через пятнадцать Ванька кого-то попросил убрать свой товар и мы вышли на площадь перед рынком. В разговоре выяснилось, что он уже пятнадцать лет как из Воронежа переехал в Адлер – здесь у него доставшийся от жениных родителей дом, большой сад и даже небольшое подсобное хозяйство есть. Кроме этого, успевает и порыбачить с собственного катерка. В общем, молодец – все у него хорошо и он счастлив. Но так как данное повествование не о нашей встрече, а о другом, ее подробности в виде вечерней дегустации домашнего вина, чачи и прочих излишеств – я в описании опущу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.